

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ЦУСИМА»

А.С. НОВИКОВА-ПРИБОЯ

Дмитрий Витальевич ЛИХАРЕВ,
доктор исторических наук

Самой известной книгой о крупнейшем морском сражении русско-Японской войны, несомненно, является роман «Цусима», Алексея Силовича Новикова-Прибоя. Это произведение впервые вышло в свет в издательстве «Федерация» в двух частях в 1932—1934 гг.¹ Однако и после первого издания романа автор продолжал работать над ним. Объем дополнительной работы, проделанной А.С. Новиковым-Прибоем, поистине огромен. Уже во втором дополненном и исправленном издании 1935 г. исследователи его творчества насчитывали 25 вставок, из которых две представляли собой три новые главы общим объемом 33 страницы. В это же издание внесено до 140 исправлений текста. В издании 1937 г. насчитывается 52 случая изменения текста, в том числе 25 вставок, из которых четыре образуют небольшие новые главы, объемом в 20 страниц. Наконец, в четвертом издании роман дополнился десятью новыми главами, составившими 120 страниц текста².

В окончательном виде «Цусима» представляла собой монументальное произведение объемом свыше 46 авторских листов. С тех пор в СССР и постсоветской России роман выдержал десятки переизданий, тиражи которых нередко исчислялись шестизначными числами. «Цусима» переведена на многие языки, в том числе английский и японский, а ее автор в 1941 г. удостоился Сталинской премии. Для нескольких поколений читательской аудитории в России роман А.С. Новикова-Прибоя оставался главным и единственным источником, по которому они получали представление о Цусимском сражении и причинах поражения 2-й эскадры Тихого океана.

Успех романа во многом предопределило то обстоятельство, что его автор, тогда еще простой матрос Алексей Новиков в должности баталёра эскадренного броненосца «Орёл» проделал весь путь с эскадрой З.П. Рожественского от Кронштадта до Цусимы и стал непосредственным участником и очевидцем грандиозного сражения.

Предыстория создания «Цусимы», красочно описанная самим А.С. Новиковым-Прибоем в предисловии к роману, не лишена элементов высокой драмы. «Я хорошо понимал всю важность события, происходящего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре»³. В лагере военнопленных в Кумамото были сосредоточены команды почти всех русских кораблей, принимавших участие в Цусимском сражении. Около полутора десятка грамотных матросов выступили в ка-

честве добровольных помощников А.С. Новикова. Они производили опросы своих товарищей, собирали записи и дневники.

По утверждению автора «Цусимы», ему удалось собрать уникальный материал: «Матросы охотно и откровенно рассказывали нам обо всем, ибо перед ними были такие же товарищи, как и они, а не официальная комиссия, составленная, как это было впоследствии, из адмиралов и офицеров при Главном морском штабе. Если кто-либо из опрашиваемых говорил неверно, то сейчас же другие участники боя вносили поправки. А потом некоторые матросы начали сами приносить свои тетради с описанием какого-нибудь отдельного эпизода. Таким образом, через несколько месяцев у меня собрался целый чемодан рукописей о Цусиме. Этот материал представлял собой чрезвычайную ценность. Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений, сколько у нас о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел такое ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами. Нужно ли добавлять, что наши записи были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения»⁴.

Однако свидетельства рядовых участников сражения, собранные будущим автором «Цусимы», погибли самым нелепым образом, в результате драки пленных солдат с матросами, из-за которой сам А.С. Новиков угодил в японскую тюрьму. После освобождения он энергично принялся восстанавливать материалы, с которыми возвратился в Россию.

Как активный участник революционного движения и автор обличительных публикаций о русско-японской войне на родине А.С. Новиков подвергся преследованиям со стороны официальных властей и с 1907 г. оказался в вынужденной эмиграции. Брат писателя, Сильвестр Силович Новиков, проживавший в их родном с. Матвеевском, опасаясь обысков, собрал его записи и спрятал. Впоследствии все бумаги были найдены кроме материалов о Цусимском сражении. Только весной 1928 г. записи, сделанные А.С. Новиковым-Прибоем в японском плену, случайно обнаружил в заброшенном улье его племянник Иван Сильвестрович Новиков. Благодаря этой находке с осени 1928 г. писатель смог приступить к работе над главным произведением всей своей жизни, которое принесло ему мировую известность.

Любопытно, что поначалу роман «Цусима» не получил признания. Вскоре после выхода в свет первого тома, в марте 1933 г., состоялось его обсуждение в Военной секции Ленинградского оргкомитета Союза советских писателей. Стенограмма этого заседания хранится в архиве Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге⁵. Однако текста доклада главного критика «Цусимы» С. Варшавского в этой стенограмме не было. До наших дней он дошел в виде статьи, опубликованной в июньском номере литературного журнала «Залп» за 1933 г.⁶

Признавая «глубокую объективно-познавательную ценность», С. Варшавский обвинял автора в «крупнейших идейных срывах» и «величайших погрешностях против правильного ленинского истолкования событий», а главное — в скатывании на позиции официальной патриотической идеологии времен русско-японской войны. С. Варшавский утверждал,

что в каком-то смысле позиция А.С. Новикова-Прибоя идентична взглядам автора знаменитой беллетризованной трилогии о русско-японской войне В.И. Семенова: «...Официальный историк при особе Рождественского, его апологет Семенов и писатель-матрос Новиков перед кровавым лицом Цусимы протягивают друг другу руки, чтобы броситься в пучину не смертельными врагами, а братьями»⁷.

Критику С. Варшавского в известной степени следует признать справедливой. С точки зрения «правильного ленинского истолкования» А.С. Новиков-Прибой проявил определенную непоследовательность. В самом начале романа автор недвусмысленно высказал свое отношение к войне: «У меня не было никакого желания воевать. Другие идеи бродили в моей голове. Я был весь в ожидании больших политических перемен внутри страны. Я готовился к работе, усиленно занимался самообразованием. Наметил себе программу для зимних занятий в неслужебные часы, собирался прикупить на берегу много новых книг. Но кто-то решил мою судьбу по-иному»⁸. Такая позиция абсолютно созвучна ленинской оценке, заклеившей русско-японскую войну как бессмысленную авантюру царского правительства, абсолютно чуждую интересам русского народа.

Следуя этой логике, писатель должен был полностью оправдать контр-адмирала Н.И. Небогатова, принявшего решение 15 мая 1905 г. сдать уцелевшие корабли 2-й Тихоокеанской эскадры японцам, избежав тем самым бессмысленного кровопролития и сохранив жизни нескольким тысячам русских матросов и офицеров. Однако А.С. Новиков-Прибой уже с позиций русского патриота безоговорочно осуждает адмирала и всех, кто проявил готовность сдаться вместе с ним.

«Тягостная глава» — одна из самых впечатляющих сцен романа, где описывается внутренняя борьба Н.И. Небогатова, принимавшего нелегкое решение: «Небогатов, наконец, замолчал и, нахлобучив на глаза фуражку с большим флотским козырьком, поник седою головой. Он знал, что все взоры обращены к нему, ожидая от него спасения. Но что он должен сказать своим подчиненным, какое отдать распоряжение, чтобы избавить их от бессмысленного истребления?.. И может быть он, как начальник, впервые по-настоящему почувствовал на себе всю страшную ответственность за свои действия. Какое огромное преимущество в жизни давал ему адмиральский чин, блестящий мундир, ордена! А теперь, когда он мысленно уже заглядывал в черную бездну небытия, все стало мучительно постылым. Он сгорбил спину и натужил лицо, как будто красовавшиеся на его золотых плечах черные орлы превратились в двухпудовые гири... Нет, он не допустит, чтобы две с половиной тысячи людей ни за что ни про что упокоились в море. Общественное мнение будет на его стороне. И новая человеколюбивая идея, как синь василькового сорняка среди ржи, заполнила седую голову адмирала. Эта идея вытеснила из его сознания главное, что он находится на военном корабле, а не в доме милосердия, и что он командующий, а не какой-нибудь духобор или толстовец, размышляющий о непотворении злу»⁹.

Однако С. Варшавский и его единомышленники остались в меньшинстве. На дворе стоял 1933 г., сталинская империя нуждалась в образцах

патриотического воспитания, и роман «Цусима» в свете новых задач оказался актуален. Голоса немногочисленных критиков¹⁰ утонули в хвалебном хоре. Классовое происхождение и революционное прошлое автора, прочно стоявшего на партийных позициях, и, наконец, Сталинская премия, присужденная в 1941 г., окончательно вывели «Цусиму» из зоны критики.

Если судить с современных позиций исторической объективности, «Цусима» при всем громадном значении ее как исторического источника представляет собой исключительно субъективный и тенденциозный текст. Работая с ним, историк обязательно должен помнить об этом. Естественно, А.С. Новиков-Прибой писал свой роман с классовых позиций и делал это совершенно искренне. Наиболее ярко его партийный подход проявился в оценках высшего командного состава. В красочном описании автора «Цусимы» флагманы 2-й Тихоокеанской эскадры выглядят абсолютно отталкивающими личностями, совершенно не отвечающими по своим профессиональным и моральным качествам сложности стоявшей перед ними задачи.

Вот портрет второго флагмана эскадры контр-адмирала Д.Г. Фелькерзама: «По отзывам офицеров, в военно-морских вопросах он разбирался лучше, чем сам Рожественский. Но для создания карьеры все портила его комическая внешность. Фигура его была тучная, ожиревшая, однако это не мешало ему передвигаться быстрыми мелкими шагами. Своим одутловатым лицом, лишенным свежести, помятым, почти без растительности, он напоминал кастрата. При раздражении, округляя свой маленький, как наперсток, рот, он выкрикивал слова тонким женским голосом, что никак не соответствовало ни его адмиральскому чину, ни его широкому полнотелому туловищу»¹¹.

Между тем Дмитрий Густавович Фелькерзам блестяще окончил Морской кадетский корпус: его имя стояло первым в списке выпускников 1867 г., Являясь отличным специалистом в области минного дела и артиллерии, он пользовался уважением подчиненных и начальства за знания и опытность в морских делах, хотя З.П. Рожественский считал его, недостаточно «твердым» начальником¹². Д.Г. Фелькерзам самостоятельно и успешно привел часть 2-й эскадры из Танжера к берегам Мадагаскара. Ему не суждено было стать свидетелем Цусимской катастрофы: в походе он тяжело заболел и скончался незадолго до решающего сражения.

Не лучше выглядел в описании А.С. Новикова-Прибоя и начальник отряда крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирал Оскар Адольфович Энkvист. «Энквиста, шведа по происхождению, я теперь увидел впервые, но многое слышал о нем. Он страдал отсутствием памяти, забывал все, что видел и слышал, но в таких случаях его выручали записи всегда присутствовавшего при нем флаг-офицера. Большая, тщательно расчесанная седая борода придавала ему вид солидного и красивого адмирала и заменяла все духовные качества... Совещаний с командирами крейсеров адмирал не устраивал. Да и о чем с ними можно было бы говорить? Голова его не была приспособлена для того, чтобы придумать или изобрести для них что-нибудь новое в смысле военном, а директив

от командующего эскадрой он сам не имел. Поэтому корабли отряда посещались им лишь в исключительных случаях. При таких условиях никакой внутренней связи, необходимой для успеха дела, у Энквиста не было. Он был популярен как веселый анекдот»¹³.

Не пощадил А.С. Новиков-Прибой и офицера штаба эскадры капитана 2 ранга В.И. Семенова. По всей видимости, здесь сыграла свою роль и писательская ревность к бывшему собрату по перу, также внесшему значительную лепту в освещение цусимской темы. «Капитан 2 ранга Семенов (автор книги «Расплата») заведовал военно-морским отделом. Такой должности не было в высочайше утвержденных штатах походных штабов. Но это не помешало ему играть при штабе видную роль. Рождественский считал его давним другом. Небольшой, кругленький, толстенький, с пухлым розовым лицом, с клочком волос вместо бороды, он имел всегда такой самодовольный вид. Словно только что открыл новый закон тяготения. Моряки звали его «ходячий пузырь». Хорошо образованный, знающий иностранные языки, он большей частью занимал по службе адъютантские и штабные должности. Писал морские рассказы и повести, но они далеки были от того правдивого и яркого изображения нашего флота, каким отличались произведения Станюковича. Офицеры не любили Семенова за его хитрость и пронырливость. Зато восторгались им адмиральские жены, находя его самым галантным и остроумным кавалером. В особенности он пользовался расположением жены одного знаменитого адмирала, у которого служил адъютантом, — Капитолины Александровны, женщины элегантно и красивой... Семенов находился при командующем на положении беллетриста, который должен восхвалять все подвиги 2-й эскадры, а также и самого адмирала. Поэтому Рождественский благоволил к нему, а он, пользуясь этим, подводил иногда не только командиров судов, но и своих товарищей»¹⁴.

Но больше всех от А.С. Новикова-Прибоя досталось З.П. Рождественскому. Цитирование всех характеристик и эпитетов, которыми автор «Цусимы» награждал командующего 2-й Тихоокеанской эскадры, вывело бы размеры этой статьи за рамки всех разумных пределов. Адмирал З.П. Рождественский предстает в романе как типичный продукт «прогнившего режима», при котором путь наверх был обеспечен только законченным негодьям, но никак не компетентным военачальникам, не зависимым в суждениях.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что роман «Цусима» сыграл совершенно особую роль в формировании определенных стереотипных представлений о завершающем этапе боевых действий на море не только в СССР, но и на Западе. Во-первых, огромное значение имело издание романа на английском языке. Во-вторых, последующие историки и популяризаторы от истории в Великобритании и США, писавшие собственные работы о Цусимском сражении, по справедливому замечанию американского историка Дж. Вествуда, бесстыдно заимствовали из этой книги целые куски, не утруждая себя анализом, какой материал в ней носит документальный характер, а что является художественным домыслом автора. В результате, у англоязычной читательской аудитории сложилось устой-

чивое представление о 2-й Тихоокеанской эскадре, как о «сборище технически отсталых броненосцев», укомплектованных «матросами-анархистами и офицерами-идиотами»¹⁵.

Справедливости ради отметим, что в СССР попытка поставить под сомнение достоверность чрезмерно категоричных оценок, даваемых в романе высшему командному составу 2-й Тихоокеанской эскадры, были предприняты еще в 1960 г. Провинциальный литературовед Л. Васильев в своей книге о творчестве А.С. Новикова-Прибоя указывал, что «образ (адмирала), созданный в романе, несколько расходится с исторически конкретной личностью командующего второй Тихоокеанской эскадрой»¹⁶. Он подчеркивал, что З.П. Рожественский пользовался авторитетом в военно-морских кругах и считался знающим свое дело командиром. Васильев полностью отрицал вину адмирала в принятии решения об отправке 2-й эскадры на Дальний Восток, утверждая, что Рожественский прекрасно создавал всю авантюристичность этого замысла, однако как человек военный вынужден был подчиниться единоличному решению Николая II.

Л. Васильев навлек на себя суровую отповедь других литературоведов и прежде всего самого авторитетного в то время знатока и интерпретатора творчества А.С. Новикова-Прибоя В.А. Красильникова. Вердикт последнего был жестким и категоричным: «...в характеристике Рожественского у Л. Васильева неверно почти каждое слово»¹⁷.

В постсоветскую эпоху число критиков «Цусимы» значительно возросло. Однако все эти люди, начиная с С. Варшавского, полемизировавшего с писателями как при жизни, так и после их смерти, по сути, не выходили за рамки вопроса об авторских пристрастиях. Между тем в истории создания «Цусимы» до сих пор не снята одна проблема, которая имеет существенное значение.

А.С. Новиков-Прибой является отнюдь не единственным представителем экипажа броненосца «Орёл», кто впоследствии счел возможным поделиться с потомками своими воспоминаниями о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и сражении у острова Цусима. Первым следует назвать князя Язона Константиновича Туманова, служившего на «Орле» в звании мичмана. Я.К. Туманов принадлежал к знаменитому «царскому выпуску» Морского кадетского корпуса 1904 г., который в связи с начавшейся русско-японской войной вынужден был досрочно завершить обучение. Император Николай II лично прибыл для напутствия выпускников. Во время Цусимского сражения Я.К. Туманов командовал батареей 76 мм пушек. От взрыва снаряда получил множественные ранения спины и шеи, сопровождавшиеся контузией и большим кровотечением. Из японского плена возвратился в Россию в январе 1906 г. Впоследствии Я.К. Туманов продолжил службу на военном флоте, принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах, в последней, естественно, на стороне белых. После вынужденной эмиграции в 1920 г. поселился в столице Парагвая Асунсьоне, где до конца жизни преподавал в военно-морском училище.

Мемуары Я.К. Туманова «Мичмана на войне» впервые вышли в свет в Парагвае в 1929 г. на испанском языке, а в 1930 г. — на русском языке

в Праге, т.е. за два года до выхода в свет первого тома «Цусимы». В последующие 70 лет книга Я.К. Туманова оставалась практически недоступной для читательской аудитории в СССР и постсоветской России. Только в 2002 г. её переиздали на родине автора при содействии фонда «Морское наследство»¹⁸.

Поскольку Я.К. Туманов являлся соплавателем А.С. Новикова-Прибоя, текстологическое сопоставление их произведений дает весьма любопытную информацию к размышлению. В обеих книгах, что неудивительно, упоминаются одни и те же эпизоды, свидетелями которых были оба автора во время их плавания на броненосце «Орел». Но описаны они очень по-разному, как будто оба очевидца смотрели на них под разными углами зрения. Причин для столь неодинакового видения и тем более оценки событий немало. Не последнюю роль в этом сыграли различия в социальном происхождении и воспитании. Молодой мичман, аристократ Я.К. Туманов был готов до конца выполнить свой долг перед Родиной. Матрос А.С. Новиков, человек с определенным жизненным опытом, проникшийся революционными идеями, не горел желанием участвовать в этой войне и проливать кровь за «прогнивший царский режим».

Вторым, а точнее третьим мемуаристом с «Орла» стал талантливый военно-морской инженер Владимир Полиевктович Костенко. Как и Новиков-Прибой, он активно участвовал в революционном движении и впоследствии приветствовал советскую власть. Его мемуары «На „Орле“ в Цусиме» увидели свет только в 1955 г.¹⁹ В отличие от романа «Цусима» книга В.П. Костенко известна скорее узкому кругу специалистов, нежели широкой читательской аудитории. Российские и зарубежные исследователи русско-японской войны по сей день считают труд В.П. Костенко лучшим техническим анализом Цусимского сражения.

В романе «Цусима» В.П. Костенко фигурирует под псевдонимом инженера Васильева. Впоследствии в авторских примечаниях А.С. Новиков-Прибой дал по этому поводу такие пояснения: «В.П. Костенко, с которым я плавал на броненосце «Орел», оказался как герой настолько необходим для этой книги, что, если бы его не существовало в природе, его следовало бы выдумать. Поэтому я уделяю ему в данном произведении так много места. Он фигурирует у меня под псевдонимом инженера Васильева. В целях конспирации так называли его на судне в узком кругу посвященных матросов-революционеров. Но теперь мне кажется, что я напрасно своевременно не опубликовал его под настоящей фамилией»²⁰. Впоследствии писатель настойчиво подчеркивал, что с В.П. Костенко его связывают «узы старой морской дружбы».

В годы советской власти В.П. Костенко занимал ряд крупных постов в военном судостроении, проектировал и руководил строительством уникальных военных верфей в Комсомольске-на-Амуре и Северодвинске²¹. На протяжении 1920-х гг. В.П. Костенко работал над книгой воспоминаний о Цусимском сражении. Создавались они на основе подробнейших дневников, которые он вел на протяжении всего похода 2-й Тихоокеанской эскадры и позже в японском плену. В начале 1928 г. рукопись мемуаров под заглавием «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка» была сдана

в издательство и даже занесена в каталог Московского товарищества писателей. Однако этому тексту так и не суждено было выйти в свет.

27 декабря 1928 г. В.П. Костенко арестовали в связи с делом «Судотреста» о перерасходах сметной стоимости первых советских транспортных судов. В истории этого ареста и осуждения немало загадочного. Продержав под следствием до 1 апреля 1929 г., его приговорили по 58-й статье к расстрелу, через девять дней замененному десятилетним заключением в Соловецком лагере особого назначения (СЛОУН). Однако уже в 1931 г. В.П. Костенко выходит на свободу и его назначают главным инженером «Промстройверфи»²².

После возвращения из лагерей В.П. Костенко не предпринимал попыток издать «В бездну Цусимы». Кстати сказать, текст этой рукописи сильно отличался от того, который был опубликован в 1955 г., за несколько месяцев до смерти автора, под заглавием «На «Орле» в Цусиме». Первоначальный вариант отличает большая художественность и эмоциональная окрашенность.

В конце 1960 — начале 70-х гг. аспирантка Белгородского государственного педагогического института О.И. Осыкова, исследовавшая творчество А.С. Новикова-Прибоя, сделала любопытное открытие: «Важно отметить то обстоятельство, что когда Новиков-Прибой приступил к работе над «Цусимой», Костенко уже подготовил для публикации свои дневники «В бездну Цусимы. Воспоминания моряка» (1928 г.)... При сравнении отдельных дневниковых записей Костенко со страницами «Цусимы» Новикова-Прибоя бросается в глаза не только фактическая, но и текстовая стилистическая переключка, «похожесть». Однако до сих пор нет работ, посвященных выяснению роли дневников Костенко в истории создания «Цусимы»²³.

Причины этой «похожести» выяснились лишь относительно недавно, после публикации в альманахе «Цитадель» воспоминаний дочери В.П. Костенко Натальи Владимировны²⁴. Н.В. Костенко пишет, что после ареста В.П. Костенко в 1928 г. и вынесения ему сурового приговора, А.С. Новиков-Прибой обратился к его второй жене Ксении Александровне с предложением продать ему рукопись о Цусиме. Во время свидания в тюрьме Владимир Полиевктович, не чувствуя проблеска в своей судьбе, дал на это согласие. К.А. Костенко, оставшаяся с малолетним сыном и весьма ограниченная в средствах, воспользовалась выгодным предложением Новикова-Прибоя.

Будучи уже на свободе В.П. Костенко глубоко переживал судьбу, постигшую его воспоминания. При разговорах с разными людьми на тему о тождественности описаний целого ряда событий в обоих произведениях Владимир Полиевктович отвечал: «Пусть читатель сам разберется, кто с кого списывал»²⁵.

Свое отношение к факту использования автором «Цусимы» чужих текстов Н.В. Костенко так сформулировала: «А.С. Новикова-Прибоя никак нельзя упрекнуть в непорядочности по отношению к Владимиру Полиевктовичу: он сделал его героем своей исторической эпопеи (под псевдонимом инженера Васильева). Также нельзя поставить Новикову-Прибою

вину версию о находке дневников, начатых в японском плену, в деревне, у брата в улье. Наверное, тогда такой вариант судьбы дневников Костенко был наилучшим. Они не пропали и не оказались в случайных руках. Ими умело воспользовался писатель, находившийся под покровительством Горького и навсегда избравший себе морскую тему главной... Писатель из народа, переживший рядовым матросом все события Цусимского похода рядом с Костенко и получивший его дневники, более чем кто-либо другой был способен создать морской роман, созвучный несколько десятилетий воспитательным задачам социалистического строя, многократно изданный и получивший Сталинскую премию. Критики признают историческую эпопею «Цусима» вершиной творчества Новикова-Прибоя, что вполне объясняется отсутствием возможностей приобрести готовые материалы по близкой автору теме, какими являлись уникальные дневники Костенко. Решение вопроса о текстовом сходстве романа Новикова-Прибоя с дневниками отца — дело литературоведов, это не входит в мои задачи. Неуместно претендовать на соблюдение авторского права в соответствии с мировой практикой в стране, где повсеместно нарушались права граждан, записанные в самой демократической конституции»²⁶.

Факты, сообщенные в воспоминаниях Н. В. Костенко, проливают свет на некоторые загадочные обстоятельства в истории создания романа «Цусима». Становится понятным, почему материалы о Цусимском сражении, утерянные Новиковым-Прибоем, «обнаружились» именно в 1928 г. Точно также становится понятным, почему в романе, «населенном» абсолютно реальными персонажами, которые действуют под своими подлинными именами и фамилиями, В. П. Костенко фигурирует под псевдонимом инженера Васильева. В то время, когда А. С. Новиков-Прибой работал над «Цусимой», его «друг» находился в СЛОНе и считался «врагом народа».

Косвенным свидетельством использования А. С. Новиковым-Прибоем чужих текстов стал также и тот факт, что роман «Цусима» разительно отличается в лучшую сторону от всех остальных продуктов литературного творчества этого писателя.

Н. В. Костенко упомянула о покровительстве А. М. Горького по отношению к А. С. Новикову-Прибою. Следует пояснить, что отношения между ними складывались отнюдь не просто. В годы эмиграции А. С. Новиков-Прибой какое-то время находился в ближайшем окружении «великого пролетарского писателя». А. М. Горький принял его весьма благосклонно, всячески поддерживал, помог «вступить в литературу». Однако в послеоктябрьский период «основоположник соцреализма» резко переменял свое отношение к автору «Цусимы». Будучи исключительно требовательным к себе, он не терпел небрежного отношения к литературному творчеству своих братьев по перу. А. С. Новикова-Прибоя наряду с Ф. В. Gladковым Горький относил к категории писателей, которые «не работают над собой». О творчестве первого он вообще отзывался крайне уничижительно. «Соленая купель» А. С. Новикова-Прибоя напоминала Горькому «перевод дешевого английского романа». Он зло иронизирует над заявлением автора «Цусимы» о том, что тот ничего не вычеркивает из написанного им.

Одно из писем А. М. Горького содержит достаточно красноречивую строку: «Силыча, конечно, не следует читать, вредно»²⁷.

Новые данные, касающиеся истории создания «Цусимы» и «творческой кухни» ее автора, поставили два принципиальных вопроса. Были ли материалы, собранные самим А. С. Новиковым-Прибоем, в японском плену? Не перечеркивает ли факт компиляции дневников В. П. Костенко значение романа «Цусима» как исторического источника по Цусимскому сражению?

На первый вопрос, по всей видимости, следует ответить утвердительно. Близкий друг А. С. Новикова-Прибоя писатель А. В. Перегудов, написавший книгу воспоминаний о своем собрате по перу, утверждал, что лично присутствовал в тот момент, когда племянник героя Цусимы передавал своему дяде связку пыльных и пожелтевших бумаг, найденных в старом улье: «В комнату вошел Иван Сильвестрович, держа в руках бумажный сверток, перевязанный мочалкой. Протягивая сверток Силычу и чуть-чуть лукаво улыбаясь, он сказал:

— Вот, дядя, посмотри. Может быть, пригодится.

Новиков-Прибой разговаривал с Елизаветой Феоктистовной. Он бросил рассеянный взгляд на сверток и вдруг внезапно замолчал, резко отодвинул чашку с чаем и бережно принял сверток. На его лице сначала отразилось изумление, потом лицо стало необычно строгим, затем на нем что-то дрогнуло, детски радостная улыбка тронула губы и затеплилась в слегка прищуренных глазах. Он разорвал мочалку и, перебирая пожелтевшие старые бумаги, спросил Ивана Сильвестровича:

— Где? Где ты это нашел?

Иван Сильвестрович пришел к столу и рассказал, что сегодня утром он перебирал старые колоды ульев, много лет лежавшие под стеной бани, и в одной из колод обнаружил эту связку бумаг»²⁸.

Однако далее в мемуарах Перегудова есть одно существенное замечание, которое многое объясняет: «Новиков-Прибой хотел сначала написать небольшую повесть, в которой выдуманные герои действовали бы в исторически верной обстановке. Записки, найденные в улье, не давали материала для такой повести, и Алексей Силевич начал собирать все, что было написано о русско-японской войне»²⁹. Недостающий материал, которого «хватило» для грандиозного романа-эпопеи, А. С. Новиков-Прибой нашел в приобретенных им дневниках В. П. Костенко.

По второму вопросу можно дать пояснения. Факт использования дневников В. П. Костенко отнюдь не отменяет того, что сам Новиков-Прибой являлся свидетелем и участником Цусимского сражения. Использование материалов «соплователя» сделало «Цусиму» ценным источником по истории крупнейшего морского сражения русско-японской войны. По нашим подсчетам, участники Цусимского боя оставили около трех десятков мемуаров и опубликованных эпистолярных коллекций. В большинстве они исходили от представителей образованной элиты — офицеров, военно-морских инженеров, судовых врачей и священников. И только два источника являются свидетельствами «нижних чинов» — воспоминания рулевого матроса крейсера «Олег» А. В. Магдалинского и роман «Цусима».

- ¹ Новиков-Прибой А.С. Цусима. Т. 1. Поход. М.; Л. 1932; Новиков-Прибой А.С. Цусима. Т. 2. Бой. М.; Л. 1934.
- ² Красильников В.А. А.С. Новиков-Прибой: Жизнь и творчество. М., 1966. С. 273—274.
- ³ Новиков-Прибой А.С. Собрание сочинений. М., 1963. Т. 3. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Архив ИРЛИ РАН. Ф. 438, оп. 1, д. 127.
- ⁶ Вильчинский В.П. Советские писатели-марксисты. Л., 1979. С. 153—160.
- ⁷ Там же. С. 160—161.
- ⁸ Новиков-Прибой А.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 31—32.
- ⁹ Там же. Т. 4. С. 125—127.
- ¹⁰ См. также: Амурский И. «Цусиму» нужно переделать // Красный флот. 23 дек. 1938; Сорокин А. Русские моряки в Цусимском бою // Морской сборник. 1939. № 2. С. 112—116.
- ¹¹ Новиков-Прибой А.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 54—55.
- ¹² Грибовский В.Ю. Личный состав Российского флота в русско-японской войне 1904—1905 гг. // Синдром Цусимы / под ред. Л.И. Амирханова. СПб., 1997. С. 65.
- ¹³ Новиков-Прибой А.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 55; Т. 4. С. 383—390.
- ¹⁴ Там же. Т. 3. С. 107—108. Любопытно, что А.С. Новиков-Прибой не называет имени «знаменитого адмирала», чья супруга благоволила к В.И. Семенову. Между тем «элегантная и красивая» Капитолина Александровна была женой Степана Осиповича Макарова. Образ последнего в 1930-х гг. уже прочно занял место среди «икон» военно-патриотического воспитания, поэтому автор «Цусимы» предусмотрительно умолчал данное обстоятельство, чтобы даже косвенно не бросить тень на великого флотоводца.
- ¹⁵ Вествуд Дж. Свидетели Цусимы. М., 2005. С. 10.
- ¹⁶ Васильев Л. А.С. Новиков-Прибой: очерк творчества. Саранск, 1960. С. 32.
- ¹⁷ Красильников В.А. А.С. Новиков-Прибой... С. 240—241.
- ¹⁸ Туманов Я.К. Мичмана на войне. СПб., 2002.
- ¹⁹ Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л., 1955.
- ²⁰ Новиков-Прибой А.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 371.
- ²¹ См.: Смирнов Г.В. Владимир Полиевктович Костенко. М., 1995.
- ²² Жизнь и деятельность кораблестроителя В.П. Костенко / под ред. Л.И. Амирханова. СПб., 2000. С. 141, 144.
- ²³ Осыкова О.И. Проблемы типизации в романе А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» // Материалы научно-практической конференции. Вып. 3. Русский язык и литература. Белгород, 1970. С. 24—31.
- ²⁴ Костенко Н.В. Владимир Полиевктович Костенко: Воспоминания дочери // Цитадель. 1998. № 2 (4). С. 65—79. Этот же текст полностью воспроизведен в сборнике: «Жизнь и деятельность кораблестроителя В.П. Костенко». С. 173—199.
- ²⁵ Жизнь и деятельность кораблестроителя В.П. Костенко. С. 194.
- ²⁶ Там же. С. 195.
- ²⁷ Красильников В.А. А.С. Новиков-Прибой... С. 191—194.
- ²⁸ Перегудов А.В. Повесть о писателе и друге. М., 1968. С. 180—181.
- ²⁹ Там же. С. 181—182.

SUMMARY: The article “How A.S. Novikov–Priboy’s “Tsushima” was creating” by professor Dmitrii V. Likharev deals with the history of creation of the famous novel by A.S. Novikov–Priboy. “The Tsushima” is one of the most well-known sources on the greatest naval battle of the Russo–Japanese War. This text was translated into many languages, including English and Japanese. The publication of N.V. Kostenko’s memoirs reanimated the problem of V.P. Kostenko’s diaries, which had been used by Novikov–Priboy as a foundation for his novel. The marine engineer V.P. Kostenko served with the seaman A.S. Novikov on the battleship “Orel” and participated in the battle of Tsushima.